

УДК 327-057.54

DOI: 10.35103/SMSU.2022.18.70.054

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ О «МИРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ»:
СЮЖЕТНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
АНАЛИТИЧЕСКИХ ДОКЛАДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УКРАИНЫ)**

Онопко Олег Владимирович

Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Аннотация

На основе синтетического теоретико-методологического подхода, объединяющего ключевые положения теории «эпистемных сообществ» П. Хааса, теории секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера, а также теории критической геополитики В. Колосова и Дж. О’Тоала автором с помощью собственной методики исследования мифов проанализирован распространённый в политической картине мира украинских экспертов политический миф о «мировой гибридной войне». По итогам изучения текстов докладов Национального института стратегических исследований Украины (2014–2020 гг.) установлено, что данный миф построен по принципу «мы – они». Он создаётся и распространяется экспертами института с целью секьюритизации образа России, а также легитимации и поддержки на международном уровне внешнеполитического курса Украины.

Ключевые слова: политические мифы, военная мифология, «мировая гибридная война», политическая картина мира, внешнеполитическая экспертиза.

**THE POLITICAL MYTH OF THE "WORLD HYBRID WAR": PLOT AND
STRUCTURAL FEATURES (BASED ON ANALYTICAL REPORTS OF THE
NATIONAL INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES OF UKRAINE)**

Onopko Oleg Vladimirovich

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People’s Republic)

Abstract

Basing on a synthetic theoretical and methodological approach that combines the key provisions of the theory of "epistemic communities" by P. M. Haas, the theory of securitization by B. Buzan and O. Waever, as well as the theory of critical geopolitics by V. Kolosov and G. O’Tuathail using own research methodology of studying military myths, the political myth about the "world hybrid war", widespread in the political picture of the world of Ukrainian experts, is analyzed by the author. According to the results of the study of the texts of the reports of the National Institute for Strategic Studies of Ukraine (2014–2020), it was established that this myth is built on the principle “we – they”. It is created and distributed by the experts of the institute with the aim of securitizing the image of Russia, as well as legitimizing and supporting at the international level Ukraine's foreign policy.

Keywords: political myths, military mythology, "world hybrid war", political picture of the world, foreign policy expertise.

Введение (Introduction)

Мифологическое мировоззрение и, как следствие, мифологическая политическая картина мира [11] традиционно в большей степени господствуют в массовом политическом сознании, сознании обывателей, но не лиц, чьё участие в политике можно считать профессиональным, основанным на непосредственной причастности к процессу выработки, принятия и реализации политических решений. Вместе с тем и политики, и эксперты-политологи могут сознательно интерпретировать окружающую политическую действительность сквозь призму политических мифов, стереотипов и установок, что непосредственно влияет на характер политики, которая в этом случае становится всё менее рациональной, реалистичной и прагматичной.

В сфере международных отношений и внешней политики иррациональные представления об отдельных международно-политических процессах и явлениях, а также международной системе в целом могут привести к искажениям и ошибкам политической элиты государства в сфере внешнеполитического целеполагания, идейно-теоретического формулирования и практической реализации программы внешней политики как таковой. Руководствуясь в своих внешнеполитических действиях иррациональными мотивами, государство может создавать угрозу для своих соседей и других международных акторов, побуждать их принимать экстраординарные меры для обеспечения собственной национальной или коллективной безопасности.

В этих условиях ключевыми задачами системы внешнеполитической экспертизы должны являться формирование наиболее рациональных представлений о международно-политической действительности, предоставление взвешенных и, по возможности, максимально непредвзятых оценок происходящего, подготовка рекомендаций по совершенствованию внешнеполитического курса государства. В случае же если эксперты сами являются носителями мифологической политической картины мира и, тем более, создателями и трансляторами политических мифов в политическое сознание лиц, принимающих внешнеполитические решения, то весь курс государства в международной среде становится заложником искусственных иррациональных, чувственно-эмоциональных представлений.

После смены режима на Украине в 2014 г. её внешняя политика приобрела устойчивый евроатлантический и антироссийский характер, а любые аспекты российско-украинских отношений, ключевые проблемы национальной, региональной и международной безопасности, ситуации с Крымом и Донбассом, а также многие другие вопросы стали рассматриваться исключительно сквозь призму «гибридной войны», которую Россия якобы ведёт против Украины. При этом именно эксперты, специализирующиеся на внешней политике и международных отношениях, внесли чуть ли не наибольший вклад в легитимацию и укоренение в сознании правящей элиты и граждан страны политической картины мира, в центре которой лежит политический миф о «мировой гибридной войне». Выявление его сущностных особенностей представляется актуальной задачей для российской политической науки и практики, решение которой позволило бы повысить эффективность украинского направления отечественной внешней политики.

Принимая это во внимание, автор преследовал цель выявить структурные и сюжетные особенности политического мифа о «мировой гибридной войне»,

содержащегося в политической картине мира экспертов Национального института стратегических исследований (НИСИ) – главного консультативно-совещательного органа при президенте Украины, обеспечивающего научно-аналитическое сопровождение его деятельности, а также деятельности Совета национальной безопасности и обороны (СНБО) [22].

Методы (Methods)

Для проведения исследования автором предложена синтетическая методология, в основе которой лежат ключевые положения теории «эпистемных сообществ» П. Хааса [30], теории секьюритизации Б. Бузана [25] и О. Уэвера [37] и теории критической геополитики В. Колосова и Дж. О’Тоала [4]. Объединив их в единый теоретико-методологический подход, можно утверждать, что политический миф о «мировой гибридной войне» – это милитарный центральный миф [10] современной внешней политики Украины, на основании которого создаются секьюритизирующие образ России и описывающие международно-политическую действительность скрипты различных украинских геополитических историй. Создателями политического мифа о «мировой гибридной войне» являются представители украинского внешнеполитического экспертного сообщества, объединённые схожими ценностями, убеждениями и политической картиной мира – представлениями о текущем состоянии международных отношений и их акторах, проблемах безопасности, национальных интересах Украины, вызовах и угрозах, стоящих перед ней. Одними из участников такого эпистемного сообщества являются эксперты НИСИ, которые, используя в качестве канала коммуникации с институтами «внешнеполитической триады» [13, с. 36] государства свои аналитические доклады, транслируют президенту Украины и власти в целом выраженное в мифе своё видение международно-политической действительности, чем побуждают их проводить определённую внешнюю политику, а также легитимируют соответствующий такому видению внешнеполитический курс.

Подобная научная интерпретация предмета исследования обуславливает использование предложенного автором в 2012 г. общего алгоритма анализа милитарных политических мифов³⁷ в сочетании с отдельными элементами политико-семантического анализа, направленного на выявление в текстах аналитических докладов и других публикаций НИСИ за 2014–2020 гг. концептов, относящихся к политическому мифу о «мировой гибридной войне», определение характеристик, приписываемых экспертами Института данным концептам.

Литературный обзор (Literature Review)

При подготовке статьи автором были приняты во внимание теоретические положения и практические результаты ряда современных политологических исследований: в сфере изучения политической мифологии – работы таких российских и иностранных учёных, как Э. Асриян [26], В. Делла Сала [28], Г. Де Врис [20], М. Кранерт [32], Р. Магди [33], О. Малинова [6], Г. Мусихин [8], В. Толстых [12], М. Стойка [36] и др.; в сфере изучения гибридных войн – исследования В. Белозёрова и А. Соловьёва [1], Ф. Гофмана [31], В. Киселёва [3], А. Манойло [7], Б. Ренц [35], К. Чиввиса [27] и др.; в сфере изучения внешнеполитической экспертизы – П. Абба [23], Д. Абельсона [24], И. Истомина

³⁷ См. подробнее: Оношко О. В. Мілітарна міфологія і «маленька переможна війна» // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер. : Політологія. 2012. Т. 182, Вип. 170. С. 70–73.

[2], А. Макарычева [4], Дж. МакГэнна [34] и др. Анализ работ этих и других исследователей засвидетельствовал, что на сегодняшний день мифологические аспекты политической картины мира украинских внешнеполитических экспертов и тем более создаваемый и распространяемый НИСИ миф о «мировой гибридной войне» так и не стали предметами политологического анализа.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

О «гибридной войне» как о состоянии российско-украинских отношений в НИСИ заговорили в 2014 г. после воссоединения Крыма с Россией и начала вооружённого конфликта в Донбассе [15, с. 6, 31, 119]. А в 2017 г. вышла монография директора Национального института стратегических исследований В.П. Горбулина «Мировая гибридная война: украинский фронт» [20], в которой одноимённый политический миф впервые получил максимальную сюжетную проработку и детализацию. С тех пор он активно развивается и дополняется в аналитических докладах и других публикациях НИСИ, на сегодняшний день представляя собой целостное милитарное мифологическое повествование. Отсюда – целесообразно рассмотреть его основные смысловые блоки.

Пространственный блок представляет собой мифологическое описание территории, на которой происходит вооружённый конфликт. Именно с ней связаны первые сведения, которые о нём получает целевая аудитория. Содержащаяся зачастую в самом названии конфликта его пространственная характеристика служит первоосновой его мифологизации. Она одновременно определяет географические границы противостояния и задаёт общую тональность, а также – в отдельных случаях – основу сюжетов политических мифов, которые будут возникать вокруг него. Территориальное определение конфликта существенно влияет на его чувственно-эмоциональное восприятие и отношение. В этих условиях важной задачей создателей милитарных мифов является формулирование такого названия для вооружённого конфликта, которое не оставило бы равнодушным максимально широкий круг лиц или же конкретную целевую аудиторию. Можно с уверенностью предположить, что чем географически дальше аудитория мифа находится от территории, где происходит вооружённое противостояние, тем меньше она им интересуется. Условно говоря, вряд ли у большинства жителей Центральной и Восточной Европы вызовет живой интерес ход современного (2020 г.) индо-китайского пограничного конфликта в Аксайчине. В случае же с политическим мифом о «мировой гибридной войне» его авторы изначально позиционируют описываемые с помощью него международно-политические и военные процессы так, чтобы создать иллюзию их актуальности для всего мира, убедить как можно больше людей в том, что Россия представляет угрозу не только для Украины, но и для всей международной системы в целом. Именно поэтому кризис в российско-украинских отношениях рассматривается экспертами НИСИ лишь как один из компонентов более широкого – мирового – противостояния («фронт»), а связанные с ним проблемы безопасности искусственно экстраполируются на международный уровень. Такой подход является нецелесообразным при ориентации мифа на внутреннюю аудиторию, но в полной мере соответствует стремлению украинского руководства заручиться в своём противостоянии с Россией поддержкой мирового сообщества.

Ещё один пространственный аспект политического мифа о «мировой гибридной войне» связан с Крымом и Донбассом, которые занимают центральное место в политической картине мира экспертов НИСИ: «Как сараевское убийство

освободило сжатую пружину глубоких противоречий и сложных процессов, которые привели к Первой мировой войне, так и прямая аннексия Крыма Россией и её действия на Донбассе стали таким же спусковым крючком для начала новой мировой гибридной войны» [20, с. 7]. Эти события рассматриваются как начало «мировой гибридной войны». Судя по текстам докладов, эксперты представляют их как некую точку отсчёта для новой эпохи в истории украинской внешней политики. Отмечается, что произошедшее в 2014 г. «радикально изменило ландшафт европейской безопасности» [17, с. 28] и стало «для европейской и глобальной систем безопасности масштабным испытанием на прочность. Цена сохранения безопасности резко возросла» [16, с. 23].

Предметный блок связан с социально-практической функцией мифа, которая в случае с милитарными политическими мифами проявляется в двух измерениях: 1) она обосновывает причины, по которым воюем условные «мы», и 2) показывает то, чего хочет достичь противник. Политические мифы этого блока определяют причины и аксиологические основы противостояния, иллюстрируют интересы сторон. В НИСИ убеждены, что причины мифической «мировой гибридной войны» кроются в имперской политике, которую якобы проводит Россия [17, с. 129] и которая «имеет целью дестабилизацию, социальный и политический хаос, не предлагая никаких новых форм порядка. Учитывая экзистенциальный базис российского государства как имперского образования, главным вопросом его правителей во внутренней и внешней политике является самодостаточная власть – её достижение, сохранение, укрепление и распространение» [21, с. 289]. При этом в текстах Института отсутствуют сколь-либо адекватные объяснения того, почему такая политика якобы имеет место, каковы её рациональные причины и основания, – всё ограничивается безапелляционным констатированием «факта» её наличия. В полной мере осознавая этот существенный пробел в создаваемом ими политическом мифе, украинские эксперты сами вынуждены оговариваться, что «понять смысл российской агрессивной войны против Украины через рациональные объяснения невозможно, поскольку никаких причин или формальных оснований для войны вообще не существует» [21, с. 297].

Кроме того, в НИСИ полагают, что России стремится противодействовать европейской и евроатлантической интеграции Украины, которая была восстановлена в качестве основного направления внешней политики после прихода к власти проевропейской националистической коалиции [15, с. 46]. При этом именно возможное вступление Украины в НАТО украинские эксперты считают «одной из непосредственных целей нападения», которое, по их мнению, являлось «проверкой на действенность и жизнеспособность Североатлантического альянса» [16, с. 414]. И данный вопрос связан с мифологическими характеристиками действий сторон конфликта. Источником угроз для безопасности Украины, НАТО и в целом евроатлантического сообщества украинские эксперты считают только и исключительно Россию. Они убеждены, что тактика её поведения в условиях новой политической реальности заключается в планомерной организации зон военно-политической напряжённости.

Данная задача решается путём «создания как можно большего количества "замороженных" конфликтов, особенно в регионе между Балтикой, Чёрным и Каспийским морями» [16, с. 420], эффективного «использования прокси-сил, ... подрывной деятельности, пропаганды», а также манипулирования международным правом [14, с. 13]. При этом в НИСИ считают, что именно такие специфические

методы являются традиционными для российской внешней и военной политики. Примечательно, что в российском внешнеполитическом экспертном дискурсе распространена полностью противоположная точка зрения, согласно которой именно Североатлантический альянс искусственно создаёт напряжённость у российских границ. Такая позиция получила особую популярность на фоне возобновления армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе и политических кризисов в Белоруссии и Киргизии [9].

Украинские эксперты считают, что действия Россия ведут к консолидации её противников в регионе, активизации евроатлантической интеграции Украины и оборонной кооперации с НАТО и его государствами-членами. В частности, речь идёт о создании новых (по сравнению с 2008 г., когда Украина обратилась к НАТО за Планом действий по членству) условий для диалога между Киевом и Брюсселем, в котором обе стороны заинтересованы в «восстановлении институтов безопасности на европейском пространстве» [18, с. 40]. Вместе с тем «дальнейшее промедление Запада с принятием плана эффективных действий, направленных на жёсткое противодействие реваншистской политике России, может привести к катастрофическим последствиям для европейского континента» [17, с. 28].

Украина рассматривается экспертами НИСИ исключительно как жертва, объект политики, не способный в полной мере самостоятельно обеспечивать собственную безопасность. В частности, периодически отмечается, что украинские «ВМС не имеют сил и средств для надлежащего выполнения задач <...> в Чёрном и Азовском морях, отпора возможной российской агрессии с моря на юге» [15, с. 37; 16, с. 114]. Отсюда – украинские эксперты считают, что их страна должна придерживаться тактики «консолидации международного сообщества в противодействии мировой гибридной войне» [19, с. 384].

Исходя из содержания структурных компонентов анализируемого политического мифа, воспроизводящегося в текстах НИСИ, можно сформулировать его общий сюжет. По мнению экспертов Института, в 2014 г. движимая иррациональной и ничем не обоснованной имперской политикой Россия, стремящаяся к дестабилизации существующего мирового порядка, совершила «акт агрессии» против ослабленной политическим кризисом и не способной самостоятельно обеспечивать собственную безопасность Украины, «аннексировав» Крым и «инициировав» конфликт в Донбассе. Используя методы «гибридной войны», Россия якобы пытается подорвать «европейский геополитический ландшафт» и для этого воздействует на страны Балто-Черноморско-Каспийского региона. В этих условиях Украина представляется экспертам НИСИ пусть одним из, но всё же главным «фронтом» этого международного противостояния, а потому якобы нуждается в максимальной поддержке мирового сообщества – в первую очередь, со стороны НАТО, которое вновь консолидируется перед лицом «российской угрозы».

Данному сюжету присущи следующие черты:

1. Русоцентризм. Несмотря на то, что политический миф формально повествует о «мировой гибридной войне», в центре его повествования лежит не противостояние каких-либо сил на мировом уровне, а искусственно выводящиеся на него проблемы российско-украинских отношений. Это классическое мифологическое противостояние «мы – они», где одно действующее лицо – Украина – позиционируется как жертва, а второе – Россия – как агрессор. При этом основное внимание мифотворцы уделяют именно последней. Детально

описываются российские «замыслы» и «стремления», «мотивы» и особенности участия в международно-политических процессах. Всё это делается для дискредитации России и демонизации и секьюритизации её образа в политической картине мира аудитории мифа. Именно сюжет мифа о «мировой гибридной войне» служит основой для официально скрипта украинской геополитической истории «о России».

2. Утилитарность. Поскольку политический миф о «мировой гибридной войне» рассчитан главным образом на иностранную аудиторию, а основные его положения секьюритизируют образ России, можно заключить, что его цель – содействовать евроатлантическому интеграционному курсу украинской внешней политики, текущему обеспечению международной поддержки Украины (прежде всего, материальной, военно-технической и санкционной) и созданию новой – антироссийской – системы коллективной безопасности в Балто-Черноморском регионе.

3. Адаптивность. Учитывая «неясность» рациональных мотивов «имперской политики» России, любые её действия в международной среде могут трактоваться украинскими экспертами как враждебные – как проявления «мировой гибридной войны». Это создаёт уникальные возможности для мифотворчества и делает миф о «мировой гибридной войне» практически бессмертным.

Заключение (Conclusions). Анализ структурных и сюжетных особенностей милитарного политического мифа о «мировой гибридной войне» свидетельствует о том, что он является основой официального скрипта украинской геополитической истории о России. Он в полной мере соответствует своему статусу центрального мифа как в политической картине мира экспертов НИСИ, так и в целом украинской внешней политики. Он создаётся и распространяется украинскими экспертами как участниками национального внешнеполитического эпистемного сообщества в их аналитических докладах и других работах для президента и СНБО Украины с целью легитимации её текущего курса в международных отношениях, а также для привлечения союзников в попытках противостоять России. Вся структура и сюжет мифа подчинены одной цели – секьюритизации её образа для мирового сообщества, созданию у максимально широкого круга лиц чувственно-эмоциональных представлений о ней как о мощном источнике угроз для международного мира и безопасности. Позиционируя Россию таким образом и заявляя о себе как о жертве её агрессии, эксперты НИСИ надеются добиться консолидации антироссийских сил как на глобальном, так и региональном (Балто-Черноморском) уровне, а также ускорения и облегчения для Украины евроатлантической интеграции.

Литература

1. Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11.
2. Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза и конструирование международной среды // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 3–4 (30–31). С. 58–72.
3. Киселев В.А. К каким войнам необходимо готовить вооруженные силы России // Военная мысль. 2017. № 3. С. 37–46.

4. Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4: Региональное измерение политического процесса. С. 31–52.

5. Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. 2015. № 3. С. 9–26.

6. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 12–21. doi:10.17976/jpps/2015.04.03

7. Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. 2015. № 7. С. 918–929. doi: 10.7256/1811-9018.2015.7.15832

8. Мусихин Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 102–117.

9. Нагорный Карабах, Киргизия, Белоруссия – эксперты объясняют создание очагов напряженности у российских границ. URL: [https://www.1tv.ru/news/2020-10-18/395229-](https://www.1tv.ru/news/2020-10-18/395229-nagornyy_karabah_kirgiziya_belorussiya_eksperty_ob_yasnyayut_sozdanie_ochagov_na_pryazhennosti_u_rossiyskih_granits)

nagornyy_karabah_kirgiziya_belorussiya_eksperty_ob_yasnyayut_sozdanie_ochagov_na_pryazhennosti_u_rossiyskih_granits (дата обращения: 20.03.2021).

10. Попов С.А. Центральный миф в стратегии избирательной кампании // Избирательные технологии и избирательное искусство. М.: "РОССПЭН". 2001. С. 75–87.

11. Самаркина И.В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С.117–127.

12. Толстых В.Л. Миф о войне как центральный элемент международно-правовой идеологии // Российский юридический журнал. 2015. № 6 (105). С. 43–53.

13. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М., НОФМО. 2008. 232 с.

14. Александров О., Филипенко А., Власенко Р. та ін. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України : аналіт. доп. / за заг. ред. І. Веремія, М. Паламарчука. К.: НІСД. 2020. 37 с.

15. Аналітична доповідь Національного інституту стратегічних досліджень до позачергового Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України у сфері національної безпеки». К.:НІСД. 2014.148 с.

16. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році».К.: НІСД. 2015. 684 с.

17. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2016 році». К.: НІСД. 2016. 688 с.

18. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». К.: НІСД. 2017. 928 с.

19. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році». К.: НІСД. 2018. 688 с.

20. Горбулін В.П. Світова гібридна війна: український фронт. К.: НІСД. 2017. 496 с.
21. Парахонський Б.О., Яворська Г.М. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл: монографія. К.: НІСД. 2019. 560 с.
22. Указ Президента України «Питання Національного інституту стратегічних досліджень». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/737/2019#Text> (дата обращения: 20.03.2021)
23. Abb P. China's Foreign Policy Think Tanks: institutional evolution and changing roles // *Journal of Contemporary China*. 2014. №24 (93). P. 531–553. DOI: 10.1080/10670564.2014.953856.
24. Abelson D.E. Old world, new world: the evolution and influence of foreign affairs think-tanks // *International Affairs*. 2014. №90(1). P. 125–142. DOI: 10.1111/1468-2346.12099.
25. Albert M., Buzan B. Securitization, Sectors and Functional Differentiation // *Security Dialogue*. 2011. № 42(4-5). P. 413–425.
26. Asriyan E. Ethnic and political myths as a factor of forming the public opinion // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2017. №VIII/1. P. 161–172.
27. Chivvis C.S. Understanding Russian "Hybrid Warfare": And What Can Be Done About It. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 2017. URL: <https://www.rand.org/pubs/testimonies/CT468.html>. (дата обращения: 20.03.2021) DOI: 10.7249/CT468.
28. Della Sala V. Europe's odyssey?: political myth and the European Union // *Nations and Nationalism*. 2016. №22(3). P. 524–541. DOI: 10.1111/nana.12159.
29. De Vriese H. Political myth and sacrifice // *History of European Ideas*. 2017. № 43(7). P. 808–824. DOI: 0.1080/01916599.2017.1321567
30. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization*. 1992. Vol. 46. № 1 Knowledge, Power, and International Policy Coordination. P. 1–35.
31. Hofman F.G. Hybrid Warfare and Challenges // *Small Wars Journal*. 2009. №52. P.34–39.
32. Kranert M. Political myth as a legitimation strategy. The case of the golden age myth in the discourses of the Third Way // *Journal of Language and Politics*. 2018. №17 (6). P. 882-906. DOI: 0.1075/jlp.17059.kra
33. Magdy R. Mythos Politicus: A Theoretical Framework for the Study of Political Myths // *Athens Journal of Mediterranean Studies*. 2020. Vol. 6, № 2. P.155–178. DOI: 10.30958/ajms.6-2-4
34. McGann J.G. Think Tanks and the Transnationalization of Foreign Policy // *Connections : The Quarterly Journal*. 2003. Vol. 2, № 1. P. 88.
35. Renz B. Russia and “hybrid warfare”. *Contemporary Politics*. 2016. № 22(3). P. 283–300. DOI: 10.1080/13569775.2016.1201316.
36. Stoica M.S. Political Myths of the Populist Discourse // *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2017. № 46. P. 63–76.
37. Waever O. Securitization and Desecuritization // *International Security: Widening Security*. 2007. Vol. 3. P.66–99.

References

1. Belozеров V.K., Solov'ev A.V. Gibridnaja vojna v otechestvennom politicheskom i nauchnom diskurse [Hybrid Warfare in the Domestic Political and Scientific Discourse] // Vlast'. 2015. № 9. P. 5–11. (in Russian)
2. Istomin I.A. Vneshnepoliticheskaja jekspertiza i konstruirovanie mezhdunarodnoj sredy [Foreign Policy Expertise and Construction of the International Environment] // Mezhdunarodnye processy [International Trends]. 2012. Vol. 10. № 3–4 (30–31). P. 58–72. (in Russian)
3. Kiselev V.A. K kakim vojnam neobhodimo gotovit' vooruzhennye sily Rossii [What Wars do the Russia's Armed Forces Need to Prepare for?] // Voennaja mysl' [Military Thought]. 2017. № 3. P. 37–46. (in Russian)
4. Kolosov V.A. Kriticheskaja geopolitika: osnovy koncepcii i opyt ee primeneniya v Rossii [Critical Geopolitics: Foundations of the Concept and Experience of its Application in Russia] // Politicheskaja nauka [Political Science]. 2011. № 4.: Regional'noe izmerenie politicheskogo processa [Regional Dimension of the Political Process]. P. 31–52. (in Russian)
5. Makarychev A.S. Gosudarstva, jekspertnye soobshhestva i rezhimy znanija-vlasti [States, Expert communities and Knowledge-Power Regimes] // Politicheskaja nauka [Political Science]. 2015. № 3. P. 9–26. (in Russian)
6. Malinova O.Ju. Mif kak kategorija simvolicheskoj politiki: analiz teoreticheskikh razvilok [Myth as a Category of Symbolic Politics: Analysis of Theoretical Junctions] // Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]. 2015. №4. P. 12–21. DOI: 10.17976/jpps/2015.04.03 (in Russian)
7. Manojlo A.V. Gibridnye vojny i cvetnye revoljucii v mirovoj politike [Hybrid Wars and Color Revolutions in Global Politics] // Pravo i politika [Law and Politics]. 2015. № 7. P. 918–929. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.7.15832 (in Russian)
8. Musihin G.I. Politicheskij mif kak raznovidnost' politicheskoi simvolizacii [Political Myth as a Type of Political Symbolization] // Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]. 2015. № 5. P. 102–117. (in Russian)
9. Nagornyj Karabah, Kirgizija, Belorussija – jeksperty ob#jasnjajut sozdanie ochagov naprjazhennosti u rossijskih granic. [Nagorno-Karabakh, Kyrgyzstan, Belarus – Experts Explain the Creation of Hotbeds of Tension Near Russian Borders] URL: https://www.1tv.ru/news/2020-10-18/395229-nagornyy_karabah_kirgiziya_belorussiya_eksperty_ob_yasnyayut_sozdanie_ochagov_na_pryazhennosti_u_rossijskih_granits (accessed: 20.03.2021). (in Russian)
10. Popov S.A. Central'nyj mif v strategii izbiratel'noj kampanii [Central Myth in Election Campaign Strategy] // Izbiratel'nye tehnologii i izbiratel'noe iskusstvo [Electoral Technologies and Electoral Art]. ROSSPJeN [Russian Political Encyclopedia]. 2001. P. 75–87. (in Russian)
11. Samarkina I.V. Politicheskaja kartina mira: opyt konceptualizacii i interpretacii [Political Picture of the World: Experience of Conceptualization and Interpretation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2013. № 3 (23). P. 117–127. (in Russian)
12. Tolstyh V.L. Mif o vojne kak central'nyj jelement mezhdunarodno-pravovoj ideologii [The Myth about War as a Central Element of International Legal Ideology] // Rossijskij juridicheskij zhurnal [Russian Juridical Journal]. 2015. № 6 (105). P. 43–53. (in Russian)

13. Khrustalev M. A. Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaja jekspertiza: ocherki teorii i metodologii [Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology]. Moscow. 2008. 232 p. (in Russian)
14. Aleksandrov O., Filipenko A., Vlasenko R. ta in. Rosijs'ka politika v Chornomors'komu regionu: zagrozi j vikliki dlja Ukraïni : analit. dop. [Russian policy in the Black Sea region: threats and challenges for Ukraine: Analytical Report]. Kiev: NISD. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2020. 37 p. (in Ukrainian)
15. Analitichna dopovid' Natsional'nogo institutu strategichnikh doslidzhen' do pozachergovogo Poslannia Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishche Ukraïni u sferi natsional'noï bezpeki» [Analytical Report of the National Institute for Strategic Studies to the Extraordinary Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in the Sphere of National Security"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2014. 148 p. (in Ukrainian)
16. Analitichna dopovid' do Shhorichnogo Poslannja Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishhe Ukraïni v 2015 roci» [Analytical Report to Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in 2015"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2015. 684 p. (in Ukrainian)
17. Analitichna dopovid' do Shhorichnogo Poslannja Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishhe Ukraïni v 2016 roci» [Analytical Report to Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in 2016"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2016. 688 p. (in Ukrainian)
18. Analitichna dopovid' do Shhorichnogo Poslannja Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishhe Ukraïni v 2017 roci» [Analytical Report to Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in 2017"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2017. 928 p. (in Ukrainian)
19. Analitichna dopovid' do Shhorichnogo Poslannja Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishhe Ukraïni v 2018 roci» [Analytical Report to Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in 2018"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2018. 688 p. (in Ukrainian)
20. Gorbulin V.P. Svitova gibridna vijna: ukraïns'kij front [World Hybrid War: Ukrainian Front]. Kiev: NISD NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2017. 496 p. (in Ukrainian)
21. Parahons'kij B.O., Javors'ka G.M. Ontologija vijni i miru: bezpeka, strategija, smisl: monografija [Ontology of War and Peace: Security, Strategy, Meaning: Monograph]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2019. 560 p. (in Ukrainian)
22. Ukaz Prezidenta Ukraïni «Pitannja Nacional'nogo institutu strategichnih doslidzhen'» [Decree of the President of Ukraine "Issues of the National Institute for Strategic Studies"]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/737/2019#Text> (accessed: 20.03.2021). (in Ukrainian)
23. Abb P. China's Foreign Policy Think Tanks: institutional evolution and changing roles // Journal of Contemporary China. 2014. №24(93). P. 531–553. DOI: 10.1080/10670564.2014.953856.

24. Abelson D.E. Old world, new world: the evolution and influence of foreign affairs think-tanks // *International Affairs*. 2014. №90(1). P. 125–142. DOI: 10.1111/1468-2346.12099.
25. Albert M., Buzan B. Securitization, Sectors and Functional Differentiation // *Security Dialogue*. 2011. № 42 (4-5). P. 413–425.
26. Asriyan E. Ethnic and political myths as a factor of forming the public opinion // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2017. №VIII/1. P. 161–172.
27. Chivvis C.S. Understanding Russian "Hybrid Warfare": And What Can Be Done About It. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 2017. URL: <https://www.rand.org/pubs/testimonies/CT468.html>. (accessed: 20.03.2021) DOI: 10.7249/CT468
28. Della Sala V. Europe's odyssey?: political myth and the European Union // *Nations and Nationalism*. 2016. №22 (3). P. 524-541. DOI: 10.1111/nana.12159.
29. De Vriese H. Political myth and sacrifice // *History of European Ideas*. 2017. № 43 (7). P. 808–824. DOI: 10.1080/01916599.2017.1321567.
30. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization*. 1992. Vol. 46. № 1 Knowledge, Power, and International Policy Coordination. P. 1–35.
31. Hofman F.G. Hybrid Warfare and Challenges // *Small Wars Journal*. 2009. №52. P.34–39.
32. Kranert M. Political myth as a legitimation strategy. The case of the golden age myth in the discourses of the Third Way // *Journal of Language and Politics*. 2018. №17 (6). P. 882-906. DOI: 0.1075/jlp.17059.kra
33. Magdy R. Mythos Politicus: A Theoretical Framework for the Study of Political Myths // *Athens Journal of Mediterranean Studies*. 2020. Vol. 6, № 2. P.155-178. DOI: 10.30958/ajms.6-2-4.
34. McGann J.G. Think Tanks and the Transnationalization of Foreign Policy // *Connections: The Quarterly Journal*. 2003. Vol. 2, № 1. P. 88.
35. Renz B. Russia and "hybrid warfare". *Contemporary Politics*. 2016. № 22(3). P. 283–300. DOI: 10.1080/13569775.2016.1201316.
36. Stoica M.S. Political Myths of the Populist Discourse // *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2017. № 46. P. 63–76.
37. Waever O. Securitization and Desecuritization // *International Security: Widening Security*. 2007. Vol. 3. P. 66–99.

Сведения об авторе:

Онопко Олег Владимирович

доцент кафедры политологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кандидат политических наук (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

E-mail: onopko.oleg@gmail.com

Bionotes:

Onopko Oleg Vladimirovich

Associate Professor, Department of Political Science, Donetsk National University, Candidate of Political Sciences (Donetsk, Donetsk People's Republic).

Для цитирования:

Онопко О.В. Политический миф о «мировой гибридной войне»: сюжетные и структурные особенности (по материалам аналитических докладов Национального института стратегических исследований Украины // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 100–112.

For citation:

Onopko O.V. The Political Myth of the "World Hybrid War": Plot and Structural Features (Based on Analytical Reports of the National Institute for Strategic Studies of Ukraine) // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 100–112.